

Анита Талая

НЕВЕСТА ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА

18+

Анита Талая

Невеста Змея Горыныча

<https://litres.ru/74435373>

SelfPub; 2026

Аннотация

Странные видения о том, как я занимаюсь любовью сразу с тремя мужчинами, терзали меня два года. А потом меня украл трехглавый Змей Горыныч. Меня объявили его невестой, но сердце рвется к трем его помощникам, трем лордам.

Горячая и откровенная сказка для взрослых

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Анита Талая

Невеста Змея Горыныча

Глава 1

Бархатные губы коснулись моих, и по телу разлилась тягучая, сладкая истома, заставляя забыть о собственном имени. Горячие, шершавые ладони скользнули по моей талии, забираясь под тонкую льняную сорочку. Их пальцы обжигали кожу, касаясь коленей, медленно, мучительно нежно поднимаясь по внутренней стороне бедер.

Когда чьи-то губы коснулись чувствительной кожи на шее, я вздрогнула, но тут же выгнулась навстречу, тонущая в этом дурмане. Еще одна пара рук уже освобождала мою грудь от ткани. Соски набухли, став болезненно-чувствительными, и из моего горла вырвался тихий, молящий стон — я всем телом желала, чтобы они наконец-то коснулись и их.

Мое желание тут же исполнилось. Горячий рот захватил одну из вершинок, а губы, оставившие мои, теперь прокладывали влажный, обжигающий путь вниз, по животу. Чьи-то легкие пальцы ласкали ступни, в то время как чужое дыхание скользило по бедрам, приближаясь к самому сокровенному, к центру моего зарождающегося урагана.

Сразу трое. Они были повсюду: их руки, их запахи —

терпкий сандал, мускус и ночная свежесть, — их губы не оставляли на моем теле сухого места. Буря, скручивавшая меня внизу живота, вот-вот готова была взорваться ослепительной вспышкой, унести меня в бездну чего-то неизведанного и безумно желанного. Я не видела их лиц, но кожей чувствовала их голод. Они желали меня, и я хотела отдаваться им без остатка, отвечая на каждое прикосновение. Когда горячий язык коснулся трепещущего нервного узелка в самом нежном месте, мир вокруг схлопнулся, и я уже готова была крикнуть от накатывающей разрядки...

— Кхе-кхе...

Сухое, старческое покашливание разбило хрустальную иллюзию, как молот разбивает тонкое стекло. Я судорожно распахнула глаза, жадно глотая спертый воздух.

Старуха-гадалка по-прежнему сидела на выцветшей подушке, брошенной на потертый ковер, поджав под себя сухие ноги. Ее блеклые, выцветшие голубые глаза, похожие на зимний лед, смотрели на меня с неподдельным, чуть насмешливым любопытством.

— Я смотрю, ты что-то все же увидела, — хрипло произнесла она. — Надеюсь, не тяжелую хворь? Ты стонала так, будто на раскаленных углях лежала.

Я вспомнила, *от чего* именно я стонала, и почувствовала, как предательский румянец заливает щеки, шею и даже грудь. Слава богам, в крошечной, затянутой тяжелыми полами комнатухе было полутемно. Единственным источ-

ником света была толстая восковая свеча на низком столике. Рядом с ней стоял хрустальный шар, к которому я все еще прижимала ладони. Стекло было горячим, почти обжигающим.

Испуганно отдернув руки, будто шар укусил меня, я хрипло ответила:

— Ничего особенного. Туман... А вы разве не видели того же, что и я?

— Нет, конечно, — старуха ухмыльнулась, обнажив ряды сточенных зубов. — Я лишь открываю двери, по которым людям суждено идти. Самих видений я не разделяю. К счастью для своего рассудка. А то с ума сойти можно, глядя на чужие грехи.

Я выдохнула, и плечи мои опустились. Если бы кто-то узнал, что я сейчас видела и, что еще хуже, *чувствовала*, я бы сгорела от стыда еще до заката. — Спасибо... Сколько я вам должна?

Я вскочила с низкого пуфа, на котором сидела, и дрожащими пальцами полезла в кошелек. Бросив на столик звонкие монеты на сумму, названную старухой, я буквально выскочила из шатра, задыхаясь от собственного смущения.

После благовоний, духоты и полумрака шатра, яркое полуденное солнце ударило в глаза, заставляя щуриться. Воздух ворвался в легкие, густой, пыльный и напоенный ароматами жареного мяса, сладкой выпечки и специй. Вокруг кипела жизнь: шумел базар, перекрикивались зазывалы, звене-

ли медные монеты, а неподалеку бродячие артисты наигрывали на лютнях какие-то откровенно пошлые, но уморительные частушки. Все было привычно, обыденно и до боли реально.

Но мое тело все еще помнило шатер. Кожа казалась гиперчувствительной, ткань платья раздражала, а внутри, глубоко внизу, все еще тлел сладкий, тягучий уголек. То, что я увидела, ощущалось уже не как явь, а как безумно яркий, будоражащий сон, от которого невозможно просто так отмахнуться.

Я постаралась спрятать эти воспоминания в самый дальний угол сознания и огляделась, разыскивая сестру. Тинка обнаружилась у лотка с восточными сладостями. Ну конечно! Где еще искать эту сладкоежку? И ведь, несмотря на ее безграничную любовь к меду и орехам, оставалась худенькой, того и гляди — ветер унесет. Однозначно, ведьмин род! Только ведьмы умеют есть все подряд и не полнеть.

— Тинка! — окликнула я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Кузина оглянулась, и ее лицо расплылось в улыбке, в руках она сжимала завернутый в пергамент пряник.

— Алинка! Смотри, какой я тебе пряник купила! С маком и миндалем!

Но когда я подошла, она тут же набросилась на меня с расспросами, сверкая глазами:

— Ну что? Увидела свое будущее? Жениха видела? Кра-

сивый? Богатый? Много золота?

Я поморщилась, отводя взгляд, и невольно поправила выбившуюся прядь волос, чувствуя, как пылают уши.

— Да ничего я толком и не видела. Один туман. Обман все это, Тинка. Не стоило на это деньги тратить.

Тинка заметно поникла, ее плечи опустились. Конечно, это ведь ее идея была — отправить меня в шатер гадалки. Самой сестре еще рано было гадать на судьбу: старуха наотрез отказывалась смотреть в шар несовершеннолетним, бормоча что-то про «неокрепшие души». А мне всего неделю назад исполнилось восемнадцать.

— Ладно, идем уже домой, — мягче предложила я, забирая у нее тяжелые свертки. — Марта уже заждалась, небось, ругаться будет. Ты все купила, что хотела?

Тинка кивнула, и мы начали пробираться сквозь густую толпу к выходу с ярмарочной площади. Шагая по узким, извилистым улочкам в сторону окраины, где стоял наш маленький домик, мы весело болтали. Кузина увлеченно обсуждала заморские диковинки, но я лишь кивала, отвечая невпопад. Воспоминания о горячих руках и обжигающих губах, о хрустальном шаре, впитавшем мой стыд и страсть, я тщательно запирала в глубине разума. По крайней мере, пока не останусь наедине сама с собой.

Тетя Марта уже ожидала нас во дворе. Она стояла под навесом, перебирая пучки целебных трав, которые сушились, обдуваемые легким летним ветерком. От нее пахло полы-

нью, сушеной ромашкой и чем-то терпким, лекарственным.

— Явились, не запылились! — чуть ворчливо буркнула она, не поднимая глаз от трав. — Всё купили?

— Всё, матушка! — радостно ответила Тинка и кинулась обнимать мать, чуть не уронив пряник.

— Ну что за телячьи нежности! — якобы недовольно проворчала Марта, но я видела, как разгладились морщинки в уголках ее глаз. — Идемте в дом, посмотрю, что вы там на базаре раздобыли.

В доме было прохладно и пахло настоями. Знахарка готовила сложную настойку, которую ей с утра заказала жена лавочника, поэтому и отправила нас на ярмарку.

Выкладывая на дубовый стол покупки, Тинка не прекращала трещать без умолку, пересыпая речь смехом. Я же молчала, механически помогая ей, все еще слегка ошарашенная и выбитая из колеи странным видением.

— Алина, ты чего такая смурная? — Марта вдруг остановилась и внимательно посмотрела на меня. Ее взгляд, острый и пронизательный, скользнул по моему лицу, задержавшись на губах и шее. — Лицо горит, как угли. Глаза блестящие... Не заболела ли? Или лихорадка какая?

— А? — я вздрогнула и нервно сглотнула. — Да нет, ничего. Просто... душно на ярмарке было. Устала что-то. Пойду до речки прогуляюсь, ополоснусь, смою эту усталость.

Тетка смотрела на меня еще пару секунд, и мне показалось, что она читает мои мысли, видит на моей коже следы

чужих прикосновений. Но она лишь хмыкнула, покачала головой и ничего не сказала, возвращаясь к ступке.

Я вылетела из дома, и теперь единственное, чего я желала — это холодная, быстрая речная вода, которая смоет с меня этот липкий, сладкий дурман и вернет мне саму себя.

Глава 2

Два года спустя

— А живет вон за той горой, за туманами, сам Змей Горыныч! — зловеще шипела бабка Марфа, широко расставляя сухие, узловатые руки. — Он огромный, больше моего дома! У него крылья, как у дракона, но только в отличие от заморских ящеров, у него целых три головы. И каждая рыгает огнем. Иногда он спускается к нам в долину и ворует самых капризных и непослушных детей. Относит их в свои черные чертоги и там... — она сделала паузу, сверкая безумными глазами, — Съедает!

Самые мелкие слушатели вздрогнули и в ужасе прижались друг к дружке, а те, что постарше, нервно захихикали, пытаюсь скрыть страх за бравадой.

Бабка Марфа восседала на низкой скамеечке, щедро раздавая детям свои жуткие сказки. Я сидела рядом, щурясь от яркого летнего солнца, и старательно зашивала подол юбки, который умудрилась зацепить за ржавый гвоздь в сарае. Фантазия у старухи была богатая, чего только не придумает — Змей Горыныч о трех головах!

Хотя, справедливости ради, про настоящих драконов нам рассказывали. Говорили, что в дальних восточных странах живет особый народ, способный оборачиваться крылатыми ящерами. Но Змей Горыныч с его тремя головами — это уже

местный фольклор, плод буйной фантазии деревенских сказочников вроде бабки Марфы.

— Алинка, бросай иглу! Идем на речку купаться! — раздался звонкий, полный жизни голос. — Вода сегодня — просто чудо, какая теплая!

Тинка за эти два года не просто похорошела — она расцвела, словно весенний цветок. Щеки порозовели, глаза заблестели, и она буквально сияла. Сразу и заневестилась: сын лавочника, высокий и статный Андрейка, теперь не слезал с нашей скамьи. Он с нетерпением ждал, пока сестрице стукнет восемнадцать, чтобы отправить к нам сватов с дарами.

Ко мне тоже сватались. Но как только я представляла себе жирные, в сальной проседи руки нашего соседа-вдовца, меня начинало тошнить. Овдовев, он решил жениться снова, и моя кандидатура на роль бесплатной работницы и мачехи для его трех невоспитанных отпрысков показалась ему идеальной. Я отказывала наотрез. Уж лучше в старых девах остаться, чем позволить этому пропитанному запахом кислого пива и лука типу касаться меня. К счастью, тетя Марта не неволила, понимая мои чувства.

А нормальные женихи обходили нас стороной. Сиротка-бесприданница, пусть и смазливая, интересовала местных парней лишь в качестве любовницы на сеновале или как рабочая скотина — горбатиться в поле, рожать в муках детей и стареть в тридцать лет. О любви, нежности и уважении в таких партиях речь не шла вовсе.

Поэтому я твердо решила: буду знахаркой. Пусть одна. В конце концов, тетя Марта справляется, и нас с Тинкой подняла, и людей лечит. Я тоже тянулась к этому ремеслу: разбиралась в травах, умела варить целебные отвары, знала, какой корешок боль унимает, а какой жар сбивает. Это было мое, настоящее и честное.

Подскочив на ноги, я сунула иголку в ткань и отправилась вслед за Тинкой. День выдался на редкость жаркий, и мысль о прохладной речной воде казалась спасительной.

Мы сбежали к реке и, спрятавшись за густой завесой плакучих ив, сбросили платья. Вода и правда была чудесной — ласковая, теплая, обнимающая тело. Мы долго плескались, ныряли и смеялись в этом укромном, скрытом от посторонних глаз месте. Когда, посвежевшие и довольные, мы выбрались на берег и натянули влажные сорочки, я подняла глаза и замерла.

На крутом берегу, в тени старого дуба, стоял мужчина. Он смотрел на нас. Точнее, он смотрел на меня.

Меня пробрал холод, и дело было вовсе не в речной воде. Я сразу узнала эту тяжелую, неуклюжую фигуру и слегка лысеющую голову с одутловатым лицом. Освальд Гроу, сын местного графа.

Этот тип вызывал у меня первобытное отвращение. Ему было за тридцать, он был тучен, рыхл и обладал привычкой смотреть на молодых девушек так, словно оценивал их вес на мясном рынке. Он не давал мне проходу, норовя зажать в уз-

ких переулках или «случайно» встретить у колодца. Недавно он осмелился предложить мне «содержание», намекая, что я могла бы греть его постель. Вот только я предпочла бы питаться одной лебедой, чем позволить этому липкому, самодовольному гаду прикоснуться ко мне.

И тут, как назло, в голове вспыхнуло воспоминание. То самое видение двухлетней давности. Хрустальный шар, жар, трое мужчин без лиц, их горячие руки и мой собственный, незнакомый мне стон наслаждения.

С тех пор это видение преследовало меня в снах. Я просыпалась в поту, с колотящимся сердцем, а потом краснела до ушей, врала тете о кошмарах и стыдилась своих желаний. Я хотела страсти, хотела, чтобы меня желали так, как желали те трое из видения. Но реальность подбрасывала мне лишь жирного соседа и похотливого графского сына.

— Пойдем домой, — дернула я Тинку за рукав, стараясь не смотреть на берег.

Мы весело зашагали по лесной тропе, но через пару минут я с досадой хлопнула себя по лбу. Я забыла на берегу холщовую сумку. Там были редкие травы, которые я собирала весь день, и точильный камень тети Марты. Терять их было нельзя.

— Тинка, я сумку забыла. Придется вернуться.

Кузина мгновенно скуксилась:

— Алинка, но меня Андрейка у мельницы ждет... Он обещал новую ленту подарить...

— Беги к нему, — усмехнулась я. — Я мигом, сбегая и догоню.

Тинка чмокнула меня в щеку и умчалась, а я развернулась и зашагала обратно к реке. Тропа здесь шла сквозь густой орешник, и солнце уже не пробивалось сквозь листву.

Я вышла к ивам и вдруг остановилась. Дорогу мне перегородил Освальд. В одной руке он сжимал кожаные поводки, а рядом с ним, скаля желтые клыки и тихо рыча, переминались с лапы на лапу два огромных пса. Помесь бульдога и волкодава — звери, натасканные на травлю.

Они смотрели на меня так, словно я была уже мертвым куском мяса. Но еще страшнее были глаза Освальда. В них не было человеческого тепла, только липкая, животная похоть и жестокость.

— Здравствуй, красавица, — хищно растянул он губы в улыбке, от которой мне стало дурно. Я инстинктивно попятилась. — Куда же ты? У меня к тебе разговор есть. По душам.

Он сделал шаг вперед. Я продолжала отступать, спиной чувствуя шершавую кору ивы. Сердце колотилось где-то в горле. Я уже собиралась сорваться и бежать, что есть сил, когда он тихо, но угрожающе произнес:

— Даже не думай. Попытаешься убежать — спущу псов. Они у меня шустрые. Догонят за секунду, а потом будут рвать твою красивую шкурку на куски.

Я посмотрела на оскаленные пасти собак и нервно сглот-

нула. Холодный ужас обдал меня с ног до головы. Бежать было смертельно опасно. Призрачный шанс, что он ограничится словами, таял на глазах. Освальд небрежно намотал поводки на сук ближайшего куста и подошел еще ближе. От него разило тяжелым перегаром и дорогими, но тяжелыми духами.

— Ну что, ты подумала о моем предложении? — его жирный палец потянулся к моей щеке. Я отдернула лицо. — С тебя не убудет. Будешь греть мне постель, развлекать, а я за это щедро заплачу. Твоя тетка-знахарка будет купаться в золоте.

Я молча, но яростно помотала головой. Горло перехватило спазмом.

— Упрямая дурочка, — прорычал он, и маска благодушия спала с его лица.

Он рванулся ко мне. Я развернулась и все-таки попыталась бежать, но в панике не заметила выступающий из земли корень. Нога подогнулась, и я со всего маха грохнулась на землю, больно ударившись коленом.

Прежде чем я успела вдохнуть, Освальд навалился на меня всем своим немалым весом, вдавив в пыль.

— Ах ты, мелкая сука! — зашипел он, его тяжелые руки уже шарили по моему телу, сжимая и причиняя боль.

Я извивалась, как рыба на берегу, пыталась бить его по лицу, но сдвинуть эту тушу было не под силу. Он грубо схватил меня за волосы, оттягивая голову назад, и второй рукой

с хрустом разорвал льняное платье на моей груди. Холодный воздух коснулся кожи, а его мерзкая, властная ладонь полезла за пазуху.

— Нет! Отстань! — вырвался у меня хриплый крик.

Одной рукой я все еще пыталась оттолкнуть его от своего лица, а второй лихорадочно, вслепую шарила по земле. Камни, корни, сухая трава... Пальцы нащупали что-то твердое и тяжелое. Короткий, сучковатый обломок ветки.

Собрав все силы, все свое отвращение и страх, я изо всех сил ударила его этой палкой по виску.

Раздался глухой стук. Освальд взвыл, его глаза остекленели на секунду, и он инстинктивно отпрянул, схватившись за голову. Я не стала тратить время на то, чтобы посмотреть на результат. Подскочив на ноги, я рванула в лес, даже не разбирая дороги.

— Стой! Тварь! — донесся до меня его бешеный рев. — Все равно не уйдешь! Ну все, ты меня достала!

Я мчалась сквозь заросли, ветки хлестали по лицу, оставляя красные следы, легкие горели. Я не осознавала, куда бегу.

А потом за моей спиной раздался лязг цепей и яростный, утробный лай. Освальд спустил псов. И они нагоняли меня.

Глава 3

Псы нагнали меня довольно быстро. Я услышала их тяжелое, хриплое дыхание прямо за спиной, но обернуться не успела. Кто-то из них кинулся мне на спину, и его немалый вес повалил меня на жесткую, усыпанную шишками землю. Я громко завизжала, зажмурилась от всепоглощающего ужаса. Я уже чувствовала, как горячее собачье дыхание обжигает шею, и ждала, что клыки вот-вот вонзятся в горло, как вдруг раздался оглушительный, нечеловеческий рев.

Пес с каким-то жалобным, переходящим в визг тывканьем отпрыгнул от меня и, поджав хвост, кинулся прочь, даже не оглядываясь.

Я открыла глаза и поняла, что солнце закрыла не туча, а исполинская тень. Взглянув вверх, я обомлела, и дыхание перехватило. Надо мной, плавно рассекая воздух, висела огромная крылатая туша. Я присмотрелась, и мозг отказался воспринимать увиденное: у этого колоссального летающего создания было покрытое темной чешуей тело, перепончатые крылья размахом с деревенскую площадь и... целых три зубастых головы.

«У меня от ужаса начались галлюцинации, — пронеслось в голове. — Я сошла с ума. Мне видится сам Змей Горыныч, о котором бабка Марфа байки травит».

Я снова испуганно зажмурилась, потому что чудовище

снижалось, и жар, исходящий от его тела, обдал мою кожу. Вдали слышались испуганный вой оставшихся позади собак и какой-то визгливый, полный паники крик Освальда, который, видимо, понял, чем закончилась его затея.

Внезапно что-то твердое, но на удивление осторожное обхватило мое тело. Я почувствовала, как отрываюсь от земли. Приоткрыв один глаз, я увидела, что огромная когтистая лапа дракона (или что это было?!) аккуратно, словно я была фарфоровой куклой, сжала меня, и существо куда-то понесло. Земля стремительно уходила вниз, ветер бил в лицо, а я громко, не стесняясь, орала от ужаса, пока спасительная, блаженная тьма не накрыла меня с головой.

Когда я начала приходить в себя, то первым делом почувствовала, что лежу на чем-то невероятно мягком. Под головой была подушка, набитая, казалось, самым нежным облачным пухом. Укрывало меня теплое, легкое и очень уютное одеяло.

Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием где-то вдалеке. Сквозь сомкнутые веки пробивался мягкий, золотистый свет. Да, я явно находилась в помещении, на весьма удобной кровати. И это было удивительно, учитывая, что последнее, что я помнила — обхватывающие меня чудовищные когти и уходящая куда-то вниз земля.

«А может быть, я просто умерла? — лениво подумала я. — И это своего рода рай? Ну, в конце концов, я заслужила рай. Никогда особо не грешила, людям гадостей не дела-

ла, а самым тяжким моим преступлением были похотливые сны, где меня совершенно неприлично и очень умело ласкали сразу трое мужчин без лиц. Неужели за такие сны в рай посылают?»

В конце концов я все же решилась приоткрыть глаза и тут же зажмурилась от яркого света, прежде чем привыкнуть к нему.

Я действительно лежала на кровати в очень просторной комнате. Эта спальня, кажется, чья-то, занимала по площади столько, сколько занимал весь наш домик вместе с сенями, горницей и пристройкой-сараем. Кровать, на которой я лежала, была поистине огромной: на ней вольготно могло разместиться с десятков таких Алинок, как я, и еще осталось бы место для танцев.

Я села и тут же заметила, что на мне надета богатая кружевная сорочка. Мое порванное платье исчезло. Под тонким кружевом не обнаружилось никакого белья, и я слегка покраснела, кутаясь в одеяло. Оглядевшись, я увидела стоящий у стены массивный шкаф. Встав босыми ногами на теплый, мягкий ковер, я подошла к нему и застыла.

Из шкафа на меня смотрела растрепанная, ошарашенная девушка в нелепой кружевной сорочке. До меня не сразу дошло, что дверца шкафа зеркальная, и я наблюдаю собственное отражение.

Никогда в жизни я не видела такого огромного зеркала! У нас дома на стене висело небольшое, мутное зеркальце, в

котором можно было увидеть разве что собственное лицо, да и то если очень сильно наклониться. Здесь же я видела себя в полный рост: растрепанные волосы, следы грязи на щеках и испуганные, широко раскрытые глаза.

Я открыла дверцу шкафа в надежде найти хоть что-то свое. Но на полках лежали лишь дорогие шелковые сорочки, а на плечиках висели такие платья, в которых ходили разве что столичные леди, но никак не деревенские знахарки. Моей одежды в шкафу не нашлось.

Я смотрела на содержимое шкафа в полной растерянности. Не выходить же мне из комнаты голой, в одной лишь неприличной сорочке, которая больше открывала, чем скрывала. А эти платья, явно чужие, я их надеть-то сама не смогу — сложные застёжки, корсеты, а шнуровку на спине мне было просто не достать самостоятельно.

Я обошла комнату и увидела еще одну дверь. Приоткрыв ее, я выглянула в длинный, пустой и безмолвный коридор. Выйти туда в своем нынешнем виде я не решилась. Продолжив исследовать спальню, за шкафом я обнаружила малозаметную, обитую тканью дверцу. Я толкнула ее и... замерла.

Передо мной была самая настоящая уборная. Я видела такое «чудо» лишь однажды, в доме богатого купца, когда мы с тетей приходили принимать роды у его молодой жены. Белый фаянс, удобная крышка, запах чистоты и каких-то цветочных духов. Я даже знала, как этим роскошеством пользоваться, хотя в нашей деревне все ходили «по нужде» во двор.

На столике рядом стоял медный тазик и тяжелый кувшин с водой. А когда я открыла еще одну дверцу, то увидела самое настоящее волшебство — огромную, сверкающую чугунную ванну на львиных лапах. В такую я влезла бы целиком, даже не сгибая ног.

Вернувшись в умывальную, я с наслаждением умылась прохладной водой из кувшина, смывая пыль, страх и остатки безумия. Вытеревшись мягким полотенцем, я снова вышла в спальню. Похоже, все же придется мне попробовать самой одеться в одно из этих дорогуших платьев и пойти на поиски людей, чтобы выяснить, где я нахожусь и почему трехголовый дракон не стал меня есть.

Открыв шкаф, я начала лихорадочные поиски платья как можно проще, без корсетов и с наиболее удобной застежкой. За этим занятием, когда я пыталась на ощупь застегнуть пуговицы на спине, и застала меня девушка, вдруг вошедшая в комнату после короткого стука, на который я даже ответить не успела.

— Госпожа? — голос ее звучал несколько удивленно, но почтительно. — Вы очнулись, госпожа! Чем я могу помочь вам?

Впрочем, сразу после этих вопросов девушка сообразила, что ей стоит представиться, и сделала легкий реверанс:

— Меня зовут Мариса, я приставлена к вам в качестве личной служанки. Давайте, я помогу вам одеться и привести себя в порядок!

Служанка? Мне? Госпожа?

Я смотрела на девушку в простом, но добротном сером платье ошарашенно, замерев с заведенной за спину рукой, держа в пальцах пуговицу и вообще ничего не понимая.

Глава 4

Мариса помогла мне застегнуться. Из всего разнообразия шкафа это платье оказалось самым скромным, но для меня, привыкшей к грубым льняным сарафанам, оно было сущим безумием. По подолу длинной, струящейся юбки шла тончайшая кружевная кайма с вышитыми цветочками — мне казалось, что одно неловкое движение, и я зацеплюсь им за угол мебели, разорвав эту невиданную красоту.

А глубокое декольте... На мой деревенский взгляд, оно было просто возмутительно неприличным! Я то и дело нервно поддергивала край ткани, пытаюсь прикрыть грудь, но Мариса лишь мягко улыбалась, объясняя, что так «положено по моде».

Проблема возникла и с обувью. Все туфли, которые служанка доставала из коробок, имели такие высоченные, тонкие каблукы, что я, пожалуй, смогла бы в них только лежать. Наконец, нырнув в самую глубину шкафа, Мариса извлекла пару шелковых лодочек на небольшом, устойчивом каблучке. Они, конечно, не шли ни в какое сравнение с моими привычными, растоптанными кожаными башмаками, но в них я хотя бы могла передвигаться, не ломая себе ноги.

В процессе этого сложного облачения я пыталась выяснить у девушки, где я нахожусь, в качестве кого и, главное, что я тут вообще делаю. Но Мариса, словно воды в рот на-

брав, отвечала уклончиво. Сказала лишь, что я нахожусь в замке лорда Анбевиса Дракнета в качестве почетной гостьи. Большого она не знала, либо, что вернее, не имела права мне рассказывать.

Имя лорда мне было абсолютно незнакомо. А земли, на которых стоял его замок, судя по всему, находились не просто далеко, а в каких-то неизведанных дебрях. Иначе хоть какие-то слухи об этих краях или о самом роде Дракнетов до нашей деревни бы доходили.

– Как же я тут оказалась? – в недоумении спрашивала я, пока Мариса ловко закалывала мои волосы.

– Не могу знать, госпожа, – отвечала та, опуская глаза. – Мне лишь передал наш управляющий, лорд Анерис, что в этой комнате отдыхает наша гостья, и велел проследить, чтобы вы ни в чем не нуждались.

– И сколько же я спала? – решила я уточнить хоть что-то вразумительное.

– Лорд сообщил мне о вашем прибытии вчера вечером, на закате.

Судя по положению солнца, льющегося в окно, дело шло к полудню. Видимо, после вчерашнего ужаса я выпалась так, как не спала никогда в жизни. Я подошла к окну и убедилась, что и правда нахожусь в замке — судя по высоте, мы были как минимум на третьем этаже. Внизу, за крепостными стенами, сновали крошечные фигурки слуг, занятых своими делами. Вдали зеленели незнакомые поля и темнел густой лес.

Места были чужие, хотя растительность не слишком отличалась от привычной мне. Но вот само ощущение изоляции и величия этого места давило.

— Лорд Анерис велел проводить вас в столовую, как только вы будете готовы, — прервала мои размышления Мариса.

Она уже соорудила на моей голове высокую, сложную прическу, которая казалась мне непривычной и даже немного неудобной. Я привыкла чувствовать за спиной тяжелую, толстую косу, а тут шея и затылок ощущались пугающе голыми и незащищенными.

Я снова посмотрела на свое отражение в зеркале и отчасти узнавала себя, а отчасти видела совершенно чужую девушку. Кареглазая, с каштановыми волосами и пухлыми губами — такой я видела себя в маленьком, мутном зеркальце у нас дома. Но видеть себя в полный рост мне пока не приходилось. На меня смотрела стройная женщина с тонкой талией и полной грудью, которые особенно подчеркнуты и выставлены напоказ этим проклятым платьем.

Я нервно сглотнула, отвела взгляд от знакомой незнакомки и отправилась вслед за Марисой. Ходить привычным мне широким, уверенным шагом в таком платье и на непривычных туфлях не получалось, так что идти пришлось мелкими, осторожными шажками. Мы шли по широким коридорам замка, ступая по мягким коврам, утопая в их ворсе. Я чуть не свернула шею, любуясь огромными картинами с пейзажами и портретами каких-то надменных дам в роскошных оде-

ниях и мужчин в мундирах с золотыми эполетами. В воздухе пахло воском, старым деревом и едва уловимым ароматом сушеных трав — единственное, что напоминало мне о доме.

Когда мы подошли к высоким, до самого потолка, резным двустворчатым дверям, они бесшумно распахнулись, открывая вход в столовую. Это был огромный, по моим меркам, зал с длинным столом, за которым могло бы разместиться человек пятнадцать, не меньше.

Я несмело переступила порог, с удивлением глядя на стол, просто ломящийся от различных яств, и не сразу заметила, что во главе стола уже сидит мужчина. Услышав мой робкий шаг, он встал и вежливо, с безупречной грацией поклонился.

– 3-3-здрате... – хриплым от волнения голосом выдавила я.

– Доброго дня вам, красавица, – ответил он. Голос у него был глубокий, бархатистый и на удивление спокойный. – Меня зовут лорд Анерис. Как я могу обращаться к вам?

– А... Алина, – сообщила я свое имя, стараясь не смотреть ему прямо в глаза.

– Рад с вами познакомиться, госпожа Алина. Прошу, присаживайтесь. Пообедаете со мной. Вы ведь со вчерашнего утра, скорее всего, ничего не ели?

Он указал мне на место за столом, совсем неподалеку от своего. Я благодарно кивнула и села. И... растерялась до дрожи в коленях.

Передо мной стояла глубокая тарелка с очень вкусно пах-

нушим, густым супом, а по бокам от нее лежал настоящий серебряный арсенал: всевозможные ложки, ложечки, вилки и ножи различных размеров и форм. Для чего нужен этот маленький ножик? И почему у этой вилки три зубца, а у той — четыре? Я уже хотела соврать, что не голодна, но предатель-желудок в этот момент громко и требовательно заурчал, сообщая всему залу, что это не так.

Я тут же густо покраснела, чувствуя, как жар приливает к щекам, и смущенно опустила глаза, вцепившись в край скатерти.

Мужчина деликатно сделал вид, что ничего не произошло, и спокойно принялся за еду. Скося глаза, я отметила, какую именно ложку он взял, нашла такую же в своем «арсенале», схватила ее и с облегчением принялась за обед. Суп оказался божественным — наваристый, с кусочками нежного мяса и пряными травами.

На самом деле выяснить информацию мне хотелось ничуть не меньше, чем поесть, но отрывать лорда от процесса поглощения пищи мне было неловко, да и боязно. Мы ели в тишине, нарушаемой лишь тихим звоном серебра о фарфор.

Когда мы, наконец, закончили трапезу, и слуги бесшумно убрали посуду, лорд Анерис откинулся на спинку стула, сцепил пальцы в замок и наконец соизволил хоть как-то ввести меня в курс дела. И тут я поняла, что с его стороны было невероятно предусмотрительно отложить этот разговор, дав мне сперва поесть и согреться. Потому что после тех слов,

что он произнес, мне бы просто не полез кусок в горло.

Глава 5

– Вы, наверное, находитесь в недоумении и хотели бы понять, где вы, как сюда попали и почему вообще здесь находитесь? — мягким, обволакивающим голосом озвучил лорд Анерис вопросы, которые роем пчел жужжали в моей голове с самого пробуждения.

Я лишь молча кивнула, судорожно сжимая край скатерти. Спрашивать самой у меня просто не хватало духа.

– Этот замок находится далеко к северо-востоку от тех земель, где вас нашли. За горами, которые ваши соплеменники считают краем света, — он чуть наклонил голову, изучая мою реакцию. — Вы слышали про расу драконов?

Я снова кивнула, глотая ком в горле:

– Слышала. Немного. В сказках.

– Лорд этих земель, герцог Анбевис Дракнет, как раз относится к этой расе. То есть он... дракон. Пролетая над вашими землями, он обнаружил вас в весьма плачевной ситуации: на вас натравили псов, которыми явно управлял стоящий неподалеку человек. Видимо, вы чем-то сильно ему не угодили.

Я кивнула, и старая злость на миг заглушила страх:

– Да, это граф Освальд Гроу. Я... Мы не сошлись с ним во мнениях насчет того, кому принадлежит мое тело и жизнь.

– Наш лорд рассудил точно так же. Он распугал собак и

забрал вас, решив, что для вашей же безопасности вам стоит покинуть эти места. Я ведь правильно понял, что если бы вы остались, вам по-прежнему грозили бы серьезные неприятности?

— Да, — горько усмехнулась я. — Освальд не из тех, кто умеет прощать. Но... ваш лорд. Он ведь не просто дракон? Я же успела разглядеть... У него целых три головы!

Лорд Анерис на мгновение потерял свою безупречную невозмутимость. В его серых глазах мелькнуло нечто похожее на смущение, но он тут же взял себя в руки.

— Да, лорд Анбевис... необычный дракон. Даже среди своего народа он выделяется рядом, скажем так, уникальных особенностей.

— И как же, в человеческой ипостаси он тоже... трехголовый? — не сдержала я своего варварского любопытства.

— Ну, можно сказать и так, — уклончиво ответил Анерис, откашливаясь в кулак. — Но я не думаю, что в ближайшее время он предстанет перед вами в подобном виде.

— Так это его в народе прозвали Змеем Горынычем? — выпалила я, не успев подумать.

— Кхм... — лорд снова закашлялся, на этот раз сильнее. — Слышал я и про такое... фольклорное прозвище. Но уверяю вас, оно лишь отдаленно и весьма грубо отображает реальность.

— Ну хорошо, — я решила перевести тему на более безопасные рельсы. — Змей... то есть, лорд Анбевис принес

меня сюда, спасая от графа. Я благодарна. Но что теперь? Я как-то должна буду заплатить за свое спасение? Отрабатывать?

Анерис тяжело вздохнул, и в этом вздохе было столько вековой усталости, что мне стало не по себе. Он посмотрел на меня прямо, и его взгляд стал пронзительно-серьезным.

— А вот тут кроется самое главное, Алина. Понимаете... наш лорд признал в вас свою истинную пару.

Тишина в столовой стала такой густой, что звон упавшей на стол серебряной вилки прозвучал как удар колокола.

— Чего?! — воскликнула я, даже не пытаясь скрыть шок. — Какую еще пару? Я же не дракон! Я человек! Как я могу быть истинной парой такого... такого чудища?! Ой, простите!

Я захлопнула рот, чувствуя, как предательский румянец полыхает на щеках. В принципе, я слышала про истинные пары. Мы с Тинкой и другими девчонками не раз вздыхали у речки, читая в старых книгах, что у драконов бывает лишь одна родственная душа на всю жизнь, что их связь нерушима и магична. Но мы ведь не драконицы! Нам такая сказочная судьба не светила.

Тем временем лорд Анерис продолжал, стараясь говорить как можно мягче:

— Понимаете, истинной парой дракона может стать не только драконица, но и человеческая женщина. Наши расы прекрасно сочетаются, и люди вполне успешно рожают силь-

ное потомство. Хотя, конечно, с драконицами у нас больше общего. С ними можно разделить небо, мы лучше чувствуем друг друга на ментальном уровне...

— Все равно не понимаю! — перебила я, и в моем голосе зазвенели нотки близкой истерики. — Как я могу оказаться парой трехглавого уроды?! Да это... это вообще за пределами разумного! Я не чудовище, чтобы меня отдавали чудовищу!

— Дорогая Алина, прошу вас, успокойтесь, — Анерис поднял ладонь в примиряющем жесте. — Никто не собирается вас принуждать или запирать в башне. Мы лишь хотим, чтобы вы побыли нашей гостьей. Присмотрелись к нашим местам, к нам... Вам ведь и так некуда идти?

Я осеклась. Воздух вышел из моих легких, оставляя лишь горькую пустоту. Он был прав. Мерзкий Гроу не даст мне покоя, а возвращаться в деревню, подвергая опасности тетю Марту и Тинку, я не могла. Я была в ловушке. Красивой, роскошной, но ловушке.

— Хорошо, — выдохнула я, опуская плечи. — Я пока живу у вас. Но... Можно я передам весточку тете и кухне? Они уже, наверное, с ума сходят, переживая, или думают, что меня растерзали волки.

— Конечно, — склонил голову Анерис. — Вам в спальню принесут лучшие пищевые принадлежности. Напишите письмо и укажите адрес. Мы отправим его с надежным курьером, ваши родные будут спокойны. А пока... я предлагаю вам небольшую прогулку. Как вы смотрите на то, чтобы по-

знакомиться с вашим новым пристанищем?

Лорд встал из-за стола и подошел ко мне. Он протянул руку, ладонью вверх. Я не сразу сообразила, что он предлагает мне взять его за руку, и стояла как истукан. Когда же до меня дошел смысл этого жеста, я еще сильнее смутилась. Тем не менее, робко опершись на его теплую, твердую ладонь, я встала. Анерис аккуратно взял мою руку и положил себе на сгиб локтя, прижав ее к своему боку.

Это было до неприличия необычно — идти вот так, под руку, с мужчиной. С совершенно незнакомым, чужим, высокоородным мужчиной. Но ощущения... Ощущения были странными. Приятными и отчего-то волнующими. Я чувствовала надежность его сильного тела, ощущала исходящее от него мягкое тепло и запах сандала с нотками грозы. Он был той самой опорой, которая не позволит мне упасть, даже если я оступлюсь.

Вот теперь я понимала, почему высокородные леди могут себе позволить носить эти нелепые туфли на высоких каблуках. Когда рядом с тобой такой мужчина, который поддерживает тебя, заслоняет от мира своим плечом и всегда готов прийти на помощь, то и каблуки не страшны.

Мы неспешно шли по бесконечным коридорам замка. Лорд Анерис показывал мне огромные залы, украшенные го-беленами и тонкой лепниной, рассказывал, какое помещение для чего предназначено. А я слушала его бархатный, глубокий голос, как замороженная, не особо сосредоточиваясь на

смысле услышанного. Я словно попала под сладкий гипноз.

Исподтишка я любовалась его четким, красивым профилем, очаровательной, чуть грустной улыбкой, сильными пальцами, которые так бережно придерживали мою руку. И вдруг в моей голове, наперекор здравому смыслу, пронеслась крамольная, безумная мысль: *а что, если бы дракон, истинной парой которого я являюсь, был похож на лорда Анериса? Если бы он был таким же заботливым, умным и... притягательным? Может быть, я и не была бы против такого положения дел?*

Но тут же реальность больно ущипнула меня за сердце. Это было невозможно. Ведь у лорда Анериса была всего одна голова. Одно лицо. А у моего «истинного»... у моего спасителя и жениха... их было целых три.

Глава 6

Горячие, бархатные губы коснулись моих легко и невесомо, словно крылья ночной бабочки. Но в следующий же миг они перестали быть робкими. Поцелуй углубился, стал настойчивым, требовательным, обещая бездну наслаждения.

Я уже начинала терять голову, растворяясь в этом дурмане, когда вторые губы обожгли чувствительную кожу нашее, заставляя томный стон сорваться с моих губ. А третьи... Третьи оставляли влажный, раскаленный след поцелуев, поднимаясь от моего колена по дрожащей внутренней стороне бедра, все выше, к самому центру моего зарождающегося урагана.

Я сходила с ума от сладости этих ласк. Сильные, шершавые ладони гладили, сжимали, изучали каждый изгиб моего тела. Мои плечи, налитая тяжестью грудь, мягкие бедра — вся я горела от их жарких прикосновений, превращаясь в один сплошной, пульсирующий нерв.

Когда одна из ладоней накрыла мою грудь, а большие пальцы безжалостно и сладко сжали чувствительные вершинки, причиняя легкую, но сводящую с ума боль, я выгнулась дугой и громко застонала.

И от собственного крика проснулась.

Резко открыв глаза, я села в постели, жадно глотая прохладный воздух. Снова этот сон. Проклятый, божественный

сон, сводящий меня с ума, заставляющий краснеть до корней волос и... отчаянно желать продолжения.

Я просыпалась с тяжелым томлением в груди и ощущением, что внизу моего живота натянулась тугая пружина, которая вот-вот разожмется, обрушив на меня цунами. Желание чего-то неизведанного, но яркого и мощного, было почти физическим.

Дома, в деревне, я тут же соскакивала с кровати и бежала на речку. Ледяная утренняя вода, обжигающая до мурашек, быстро возвращала меня к реальности и смывала стыд. Зимой я выскакивала босиком на покрытый снегом двор и, захватив горсть искрящегося снега, яростно умывала им пылающее лицо.

Я огляделась, пытаюсь осознать, где я нахожусь. Ну конечно. Шелковые простыни, мягкий ковер, полумрак спальни. Я в замке Змея Горыныча. Моего, как мне сказал Анерис, истинного. Вот только не совсем понятно, как он выглядит в человеческом обличье. Впрочем, из туманного разговора с лордом-управляющим я сделала вывод, что человеческого обличья у лорда Анбевиса, по сути, и не было. Были там какие-то магические нюансы с оборотом.

Очарованная бархатным голосом Анериса, я в тот момент не придавала значения этой информации. Я как замороженная слушала его речь, любовалась его красивым, волевым профилем, широким разворотом плеч. Я чувствовала тепло, исходящее от этого мужчины, помнила, как уверенно его рука

поддерживала меня за локоть, и... таяла. Мои мозги превращались в розовый, липкий кисель, и я сама не понимала, что со мной происходит.

Может быть, Анерис владеет какой-то магией очарования? Умеет гипнотизировать одним своим словом, одним взглядом своих серых, как грозовое небо, глаз? Когда он проводил меня к двери в мою комнату и церемонно распрощался, прикоснувшись губами к тыльной стороне моей ладони, словно я была высокородной леди, я совсем «поплыла». Закрыть за ним дверь, отрезая себя от этого притягательного мужчины, оказалось мучительно сложно.

Весь оставшийся день я пыталась себя занять. Читала книги в тяжелом кожаном переплете, бродила по ухоженному саду, вдыхая аромат невиданных цветов, пыталась думать о своем незавидном положении. Но перед глазами снова и снова возникали пронзительные глаза лорда Анериса, его мягкая, чуть грустная улыбка, а в голове, сбивая с толку, звучал его низкий голос.

А ночью снова приснился *этот* сон. Только на этот раз, в полубреду, мне отчаянно хотелось, чтобы на месте хотя бы одного из этих безликих мужчин, покрывающих меня поцелуями, был лорд Анерис. Чтобы его руки сжимали меня, а его голос шептал мне на ухо непристойности.

Я, тяжело вздохнув и признав свое полное поражение перед собственными инстинктами, выбралась из-под одеяла и отправилась в ванную комнату. Забравшись под странную

металлическую лейку душа, я нащупала вентиль и сделала воду максимально холодной. Я мужественно терпела обжигающие, ледяные струи, пока дрожь не начала бить по зубам. Только после этого мои мозги потихоньку начали сообщать, а сладкое, тягучее томление внизу живота неохотно отступило.

— Госпожа! — раздался приглушенный голос Марисы из-за двери. — Госпожа, вы уже встали? Я принесла вам завтрак.

В комнату ворвались возбуждающие аппетит запахи: свежей выпечки, топленого масла и чего-то мясного. Девушка поставила поднос на невысокий столик у кресла и ловким движением сняла льняную салфетку.

— Я принесла вам и кофе, и чай, потому что не знаю, что вы предпочитаете, — улыбнулась служанка.

Кофе? Я никогда не пробовала этот напиток, только слышала о нем от приезжих купцов. Причем отзывались о нем по-разному: кто-то кривился и называл «горькой жижей», кто-то расхваливал до небес. У нас в деревне кофе пили только богатые аристократы: уж больно дорогим был этот заморский товар.

Я осторожно, с подозрением взяла хрупкую, расписную золотом фарфоровую чашечку. Внутри плескалась черная, как деготь, жидкость. Я понюхала. Пахло интересно: терпко, ярко, с нотками жженого ореха. Сделала маленький глоточек и еле сдержалась, чтобы не выплюнуть все обратно в чашку.

— Тыфу ты... Горькая гадость, — выдохнула я, морщась. Таков был мой вердикт.

— Может быть, вам добавить сахар и сливки? — с понимающей улыбкой спросила Мариса. — Большинство дам предпочитают пить кофе именно в таком виде. А вот господа чаще всего пьют черным, без всяких добавок.

Я не могла понять, как можно пить эту голимую горечь без добавок. И уже хотела отказаться совсем, но потом решила: кто знает, может быть, мне больше никогда в жизни не удастся попробовать этот напиток. И решилась на эксперимент.

— Хорошо, давай попробую со сливками.

Девушка положила в чашечку пару крошечных ложек сахара, подлила густых сливок из серебряного молочника. Жидкость в чашке мгновенно приобрела благородный бежевый оттенок, а на поверхности образовалась нежная пенка. Я поднесла чашку к губам и осторожно лизнула. В таком виде он был уже не настолько противен! Горечь разбавлялась сладостью, смягчалась жирными сливками, оставляя на языке долгое, согревающее послевкусие. Делая маленькие глотки, я все же допила напиток, сделав вывод, что с добавками он вполне ничего. Хотя мой родной травяной чай с листом смородины и сушеными ягодами мне все равно нравился больше.

Когда я позавтракала, Мариса, убирая посуду, сообщила: — Лорды ждут вас в библиотеке, госпожа. Для разговора.

– Какие лорды? — настороженно переспросила я.

– Лорд Анерис и лорд Вистен, — спокойно пояснила де-вушка.

Если с лордом Анерисом я была знакома, то кто такой лорд Вистен, я не знала. О чем и сказала служанке.

– Если лорд Анерис управляет замком и является правой рукой герцога, то лорд Вистен ведаёт всеми нашими поместьями и землями, — пояснила она, словно это было само собой разумеющимся.

Я согласно кивнула, не совсем понимая, что может понадобиться от бедной деревенской знахарки этому важному лорду Вистену, и пошла вслед за служанкой.

Библиотека оказалась огромной. Воздух здесь был густым от запаха старой бумаги, кожи и пыли веков. Стеллажи уходили в полумрак второго яруса. У камина, в глубоком кожаном кресле, сидел лорд Анерис. Он держал в руках какую-то книгу, но, услышав мои шаги, поднял голову.

Я вежливо, чуть смущаясь, сделала легкий реверанс и пожелала ему доброго утра. Он ответил мне той самой мягкой улыбкой, от которой у меня предательски защемило в груди.

И тут из-за высокого стеллажа, скрытого тенью, раздался мужской голос:

– И вам доброе утро, Алина.

Я замерла. Мой мозг отказался воспринимать информацию. Голос. Тембр, бархатистость, интонации — всё это было до боли знакомо.

Из-за стеллажа вышел мужчина. В руках он тоже держал книгу. Он сделал шаг в полосу света, падающую из высокого готического окна, и у меня перехватило дыхание.

Это был второй лорд Анерис. Тот же рост. Тот же волевой профиль. Те же серые, как грозовое небо, глаза и та же мягкая, чуть насмешливая улыбка. Он смотрел на меня так, словно знал каждую мою тайну.

Глава 7

Я поражённо рассматривала двух совершенно одинаковых мужчин, от неожиданности практически потеряв дар речи. Они оба улыбались мне, и эти улыбки были абсолютно одинаковыми по форме, но совершенно разными по сути.

Приглядевшись внимательней, я осознала, что эти двое, хоть и похожи друг на друга, как две капли воды, излучали совершенно разную энергию. Мужчина, до этого сидящий в кресле, отличался от строгого лорда Анериса деталями. Чуть более взъерошенная темная причёска, чуть более шальная, хищная улыбка, хитроватый, искрящийся прищур серых глаз. Про таких, как Анерис, в деревне говорят: «застегнут на все пуговицы, да ещё и мундир сверху надели». Его брат к таким явно не относился. В нём чувствовалась скрытая, ленивая сила пантеры, готовой в любой момент сыграть злую шутку.

— Алина, разрешите представить: мой брат Вистен, — мягким, но торжественным тоном произнес лорд Анерис.

Мужчина в кресле грациозно поднялся. Он скользнул ко мне, и, прежде чем я успела отступить, взял мою руку в свою. Его губы коснулись тыльной стороны моей ладони — легкий, обжигающий поцелуй.

Меня снова ударило в краску. Мне никогда не целовали руки! Такое отношение ко мне, как к благородной даме, сби-

вало с толку и дико смущало. Но хуже всего было то, что от прикосновения его губ и горячей кожи по моему телу прошла предательская волна жара. Его голос, такой же бархатный и низкий, как у брата, все же отличался. В нем было чуть больше эмоций, чуть больше тягучих, почти мурлыкающих интонаций, от которых внутри все сладко сжималось.

Почему-то мне вдруг с пугающей ясностью вспомнился мой повторяющийся сон. Жаркие, множественные прикосновения мужских губ, рук, запах сандала и грозы... Я совсем потеряла дар речи, чувствуя, что уплываю от столь близкого присутствия этих двух мужчин. Их ауры накладывались друг на друга, создавая невыносимо притягательный вакуум.

«Алька, возьми себя в руки! — мысленно одернула я себя, болезненно вцепившись ногтями в ладонь. — Еще не хватало, чтобы они заметили, как ты на них реагируешь! Ты же не течная кошка в конце концов!»

— Предлагаю проследовать в гостиную и за чашкой кофе пообщаться в более подходящей обстановке, — предложил лорд Анерис.

Вистен не отпуская моей руки, мягко, но властно положил ее на сгиб своего локтя и повел в нужном направлении. Анерис шагнул с другой стороны.

Я шла, совершенно не чувствуя ног. Справа я ощущала горячее, крепкое тело лорда Вистена, чувствовала его будоражащий запах — что-то пряное, с нотками корицы и мужского пота после верховой езды. Слева шагал лорд Анерис,

от которого веяло строгостью, морозной свежестью и грозой.

Я совсем потерялась в собственных чувствах. Ну ладно, я могла еще предположить, что, спасаясь от графа, влюбилась в прекрасного лорда-управляющего. Но не в двух же сразу! Пусть даже они, похоже, близнецы! Это было безумие.

Всю дорогу до гостиной, а потом и устроившись в удобном кресле, утопая в подушках, я пыталась справиться с розовым киселем в голове. Лишь когда мужчины устроились напротив меня на достаточном, как мне казалось, безопасном расстоянии, а я сделала пару глотков крепкого кофе (вкуса которого, признаться, почти не почувствовала), я начала понемногу возвращаться в реальность.

– В-в-вы... двойняшки? — спросила я, нервно теребя край юбки.

– Нет, — ответил мне лорд Вистен, лениво откидываясь на спинку кресла.

– Но... как же? — удивилась я, переводя взгляд с одного на другого. — Вы ведь братья?

– Братья, — согласился лорд Анерис, ставя свою чашку на блюдце с безупречной грацией.

– И родились в один день? — решила уточнить я, пытаюсь состыковать факты.

Я вдруг засомневалась: может быть, они и не близнецы, просто слишком похожие друг на друга братья с разницей в пару лет. Но лорд Вистен развеял мои сомнения:

– Да, в один день. И даже в один час. Хотя Анерис стар-

ше меня на целых полчаса, и не преминет напомнить мне об этом при каждом удобном случае.

— Значит, все же двойняшки? — выдохнула я.

— Нет, — отрезал лорд Анерис.

— Но... как же? Ведь вы братья, родились в один день, похожи друг на друга, как две капли воды... — я запуталась окончательно. Может быть, у них по-другому понимают термин «двойняшки»? Или я, деревенская дурочка, чего-то не знаю.

Лорд Вистен согласно кивнул, его глаза блестели от веселья:

— Да, все именно так. Но мы не двойняшки.

— Вот именно! Мы — тройняшки! — раздался от дверей гостиной новый голос.

Голос был таким же глубоким, но в нем звенела натянутая струна, как перед грозой. Я резко повернула голову и увидела третьего мужчину.

Мой рот некрасиво приоткрылся от изумления. Но почти сразу, очнувшись, я захлопнула его, не в силах вымолвить ни слова.

Мужчина, вошедший в гостиную, был безумно похож на своих братьев. Тот же рост, тот же разворот плеч, те же темные волосы и серые глаза. Но приглядевшись, я поняла, что передо мной совершенно иная стихия.

Этот лорд не улыбался. Он смотрел на меня неприветливо, сурово, даже враждебно. Между его густыми бровями за-

легла резкая хмурая складка, челюсти были сжаты так, что выступили скулы. Он был похож на надвигающуюся грозовую тучу, и казалось, он был совершенно не рад меня видеть.

— Алина, познакомьтесь, — ровным, дипломатичным тоном произнес лорд Анерис, хотя в его глазах мелькнуло напряжение. — Это наш третий брат, а точнее — средний. Его зовут Беонар. Пусть вас не смущает этот невежа, он у нас не отличается особой приветливостью.

Лорд Беонар не стал целовать мне руку. Он вообще никак не отреагировал на слова брата, лишь презрительно фыркнул, молча рухнул в свободное кресло и скрестил руки на груди. Весь его вид кричал о том, что мое общество вызывает у него глубочайшее омерзение.

— Беон, — укоризненно, но властно произнес лорд Анерис. — Ты не мог бы вести себя с Алиной полюбезнее? Все же она...

Он не договорил, не решаясь при мне произнести слово «пара». Но Беонар вспылил. Он подался вперед, и его серые глаза, такие же, как у братьев, но теперь пылающие темным огнем, впились в меня.

— Это вообще ничего не значит! — буквально рывкнул он, и от его голоса задрожали стекла в витринах. — Истинность — это миф! Сказки для наивных девиц! Что бы вы там себе ни придумали, Анерис, я не собираюсь идти у вас на поводу и принимать в своем доме непонятную девку, притянутую за уши к нашему очагу!

— Беон! — повысил голос Вистен, его ленивая улыбка исчезла, сменившись жесткой складкой губ. — Давай мы это обсудим наедине. Незачем девушке выслушивать твои оскорбления.

А я сидела ни жива, ни мертва, вцепившись в подлокотники так, что побелели костяшки пальцев. Мне непонятна была реакция этого Беона. Я не понимала, что я сделала не так, почему он так зол, почему его взгляд обжигает меня сильнее, чем взгляды его братьев. И вдруг, наперекор страху, я с ужасом осознала странное, иррациональное желание: мне безумно хотелось встать, подойти к нему и разгладить эту суровую морщину между его бровей. Прижать его голову к своей груди и заставить его расслабиться, почувствовать себя в безопасности.

От этой мысли меня бросило в жар. *Что со мной не так?!*

— Простите, — тихо, но твердо сказала я, вставая с кресла. Ноги предательски дрожали. — Я бы хотела вернуться в свою комнату.

— Это вы, Алиночка, простите нас за эту безобразную сцену, — лорд Анерис тоже поднялся, в его голосе звучала неподдельная вина. Он сделал шаг ко мне, явно собираясь проводить.

— Нет, спасибо, — я отступила на шаг. — Наверное, вам нужно поговорить с братьями. Я сама дойду, не стоит волноваться. Я не заблужусь.

— Простите, — тихо, но с металлическими нотками про-

изнес Вистен, не сводя с третьего брата тяжелого взгляда.

Я вежливо, насколько это было возможно в моем состоянии, попрощалась и вышла из гостиной, плотно закрыв за собой тяжелую дубовую дверь.

Но уже когда я держалась за холодную бронзовую ручку, сквозь толстое дерево до меня донеслось презрительное, полное яда фыркание Беонара. И это фыркание обожгло меня сильнее, чем пощечина.

Глава 8

Сидеть в четырех стенах роскошной спальни, уподобившись томной пленнице, мне быстро наскучило. Поймав себя на том, что я снова и снова прокручиваю в голове лица братьев, я решила сбежать из замка и отправилась исследовать сад.

Парадная часть сада поражала воображение: безупречная геометрия дорожек, усыпанных белым песком, клумбы с диковинными, невиданными в наших широтах цветами, мраморные скамейки и изящные беседки, увитые плющом. Здесь чувствовалась заботливая, но строгая рука садовника, создавшего это место исключительно для неспешных прогулок высокородных особ.

Но моя натура знахарки требовала иного. Оставив ухоженные розы, я свернула с главной аллеи и, пробравшись сквозь густую живую изгородь, обнаружила совсем другой мир. В дальних, заброшенных закутках сада, куда редко ступала нога человека, царил буйный, первозданный хаос. Зато именно здесь, среди дикого папоротника и высоких сорных трав, мой глаз, привыкший различать зелень, заметил знакомые стебли.

Я присела на корточки, раздвигая заросли. Луноцвет! А вот серебристый тысячелистник и кусты дикого шиповника, чьи плоды ценились на вес золота. Как они оказались здесь, в

тени высоких стен? Видимо, много лет назад кто-то из обитателей замка всерьез увлекался зельеварением, но время стерло память о том садовнике, оставив лишь одичавшие, но от того не менее ценные сокровища.

Поставив для себя мысленную отметку, я решила, что завтра же принесу сюда ножницы и корзины. Эта мысль грела душу: у меня появилось дело, простое, понятное и родное.

После прогулки, насыщенной запахами влажной земли и трав, я отправилась в библиотеку. К своей радости, на нижней полке массивного дубового шкафа я обнаружила целый ряд фолиантов по траволечению. Я устроилась в глубоком кожаном кресле у камина и погрузилась в чтение с головой, забыв не только про обед, но и про ужин.

И это было спасением. Потому что стоило мне отвлечься, как в голове всплывали они. Трое. Воспоминания о братьях вызывали во мне странный, лихорадочный жар, который меня и смущал, и пугал до дрожи. Я краснела, вспоминая хмурый, суровый профиль Беонара, и с ужасом понимала, что мне безумно, до боли в пальцах хочется прикоснуться к его напряженной щеке, разгладить эту грозную складку между бровей и почувствовать, как его жесткие губы впиваются в мои.

А потом перед глазами вставала мягкая, надежная улыбка Анериса, от которой веяло спокойствием, или слышался бархатный, мурлыкающий голос Вистена, от которого по коже бежали мурашки. И я с отчаянием осознала: мне нра-

вятся они *все*. Я не могла выбрать кого-то одного, мое тело и душа откликались на каждого из них.

Но тут же, как холодный душ, накатывал страх. Я — невеста Змея Горыныча. Дракона. Существа с тремя головами, чья человеческая ипостась была для меня тайной за семью печатями. Кто он? Если братья так прекрасны, то во что превращается их повелитель? Страшный, чешуйчатый урод? И каково это — быть истинной парой чудовища? А вдруг, когда придет время, он не полюбит меня, а просто сожрет?

Я пыталась расспрашивать Анериса, но он лишь мягко уходил от ответа, обещая, что «время еще придет». Поэтому я гнала страхи прочь, прячась за древними страницами фолиантов.

Я настолько увлеклась описанием свойств мандрагоры, что даже не услышала, как тяжелая дверь библиотеки бесшумно отворилась.

— Это настолько интересно, что вы даже про обед забыли?

Бархатный, низкий голос с легкой хрипотцой ударил по тишине. И на эти вибрации мое тело отозвалось мгновенно — жаркой волной, прокатившейся от затылка до самых пят.

Лорд Вистен. Он склонился надо мной, опираясь одной рукой о подлокотник моего кресла. Я сидела, прижав к груди большую книгу, и чувствовала, как его горячее дыхание ласкает чувствительную кожу на шее. Я чуть не застонала от этого прикосновения, от скручивающего низ живота вихря внезапного, дикого желания. Еле сдержалась, чтобы не по-

вернуть голову и не встретиться губами с его красиво очерченным, чуть насмешливым ртом.

Собрав всю силу воли в кулак, я подскочила на ноги, чуть не уронив фолиант, и, прижав его к груди как щит, внезапно осипшим голосом пробормотала:

— Это... это очень редкий трактат. В нашей городской библиотеке такого днем с огнем не сыщешь. Возможно, кто-то из ваших предков всерьез занимался лечебными травами? Тут собрана просто уникальная коллекция.

Вистен не отступил. Он смотрел на меня с той самой хитрой, ленивой улыбкой хищника, который знает, что добыча уже в его капкане.

— Насколько мне известно, прабабка лорда Анбевиса была именитым зельеваром, — тихо произнес он. — Это ее наследие.

Он говорил, но его внимание было приковано ко мне. Его тяжелый, почти осязаемый взгляд скользил по моему лицу, медленно спускался по шее, задерживаясь на ключицах, затем оценивающе, по-хозяйски измерял размер моей талии и, наконец, задержался на бедрах, скрытых не слишком пышной юбкой. От этого немного, раздевающего взгляда меня бросило в жар. Я смущалась, горела, но в то же время внутри просыпался темный, неизведанный голод. Хотелось большего. Хотелось, чтобы его руки заменили его взгляд.

Я молчала, не в силах произнести ни слова. Дар речи покинул меня. Я подняла на него глаза, полные смятения, и

буквально утонула в его потемневших, серых как грозовое море глазах. Мы застыли, сцепившись взглядами, и воздух между нами стал густым, наэлектризованным. Вистен медленно, почти незаметно качнулся мне навстречу. Его лицо было в шаге от меня. Я видела, как напряглась его челюсть, как слегка расширились зрачки. Мне казалось, что он вот-вот схватит меня, прижмет к этому чертову книжному шкафу и коснется губами...

— Лорд Вистен! Госпожа Алина! — звонкий голос служанки, появившейся в дверях, прозвучал как удар хлыста.

Мы оба вздрогнули и отпрянули друг от друга так резко, словно обожглись. Между нами снова образовалось приличное расстояние в несколько шагов, но напряжение в воздухе осталось висеть тяжелым, дурманящим туманом.

— Ужин готов, — смущенно пролепетала девчонка, опуская глаза.

— Идемте, Алина, — голос Вистена звучал ровно, но я видела, как тяжело он сглотнул. — Нас ждут в столовой.

Он подошел ко мне и предложил локоть. Я тут же уцепилась за его руку, как за спасательный круг, чувствуя, как под пальцами напрягаются твердые мышцы. Мои ноги предательски подрагивали, а на плечи навалилась внезапная, ватная слабость. Я пребывала в полной растерянности, не понимая, что со мной творится и как бороться с этим ненормальным, стихийным состоянием.

Я всегда была разумной, практичной девушкой. Дожив до

двадцати лет, я никогда не испытывала такой безумной, сносящей крышу влюбленности, которая была свойственна моей сестре. Тинка влюблялась безоглядно, полностью отдаваясь во власть чувств, как бабочка летит на огонь. Я же всегда гордилась своим холодным рассудком.

И вот теперь, идя по коридору и чувствуя тепло руки Ви-стена сквозь ткань его камзола, я с ужасом понимала: мой рассудок плавится. Я теряю голову. Я, кажется, влюбляюсь. Да еще и сразу в троих мужчин! Лордов! Которым я, деревенская знахарка, и в подметки не гожусь. А я, как выяснилось, истинная пара и, что самое страшное, невеста неизвестного мне дракона.

И что, скажите на милость, мне теперь с этим делать?

Глава 9

Мне снова снились они. Трое.

В этот раз пелена тумана, скрывавшая их лица, рассеялась. Чьи-то горячие, бархатные губы касались трепещущих, набухших от томления вершин моей груди, дразня и сводя с ума нежными, но требовательными ласками. Другой прокладывал дорожку обжигающих поцелуев по дрожащей внутренней стороне бедра, приближаясь к самому потаенному центру моего естества, в то время как ловкие, сильные пальцы третьего уже дарили мне первые предвестия сладкой бури, касаясь самого нежного и уязвимого места.

С замиранием сердца я осознала, что наконец-то смогла разглядеть их. Три грани одного совершенства. Лорды Анерис, Вистен и Беонар. Их потемневшие от голода взгляды будили во мне сладкое томление, заставляя желать только одного — отдаваться им всем, принадлежать им целиком, без остатка, сгореть в этом огне дотла.

Когда Беонар — суровый, не знающий пощады даже в нежности — прикоснулся губами к самому источнику моего зарождающегося пламени, я не выдержала. Громкий, ломающийся стон сорвался с моих губ, и я подалась ему навстречу, запутываясь пальцами в его темных волосах. Губы Вистена накрыли второй, пока еще свободный бутон, дразня и покусывая, в то время как Анерис мягко, но властно лас-

кал первый. Это была сладкая, невыносимая пытка, доводящая меня до иступления. Я выгибалась навстречу мужчинам, кричала, плакала и требовала еще, моля о пощаде и о новой муке одновременно.

Беонар коснулся губами самой сердцевины моего наслаждения, жадно и ритмично, а затем его язык вычертил нежные, сводящие с ума круги в самом средоточии моего желания, усиливая вихрь, который уже закручивался где-то в самом низу моего живота, превращаясь в ураган.

Ласки его братьев лишь подливали масла в огонь. И в какой-то момент я вдруг не выдержала. Я взорвалась. Сильные, доселе неизведанные ощущения разбили меня на тысячу осколков. Жаркая, ослепительная волна прошла по всему телу, и я начала содрогаться в сладких, тягучих судорогах под умелыми руками и губами моих мучителей, чувствуя, как они пьют мой экстаз.

У меня не было практики, но я была начитана. В старых трактатах по анатомии и лекарскому искусству я мельком читала про этот пик женского блаженства. Конечно, ученые мужи описывали это сухо и скупое, но я сразу поняла: то, что я испытала, было именно им. Той самой вершиной наслаждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.